

СВЯТАЯ
БЛАЖЕННАЯ
ПАРАСКЕВА
ДИВБЕЕВСКАЯ
(ПАША САРОВСКАЯ)

— —
ДЕНЬ ПАМЯТИ: 5 ОКТЯБРЯ

ОНА ПРЕДСКАЗАЛА ЦАРСТВЕННОЙ ЧЕТЕ
СКОРОЕ РОЖДЕНИЕ ДОЛГОЖДАННОГО
НАСЛЕДНИКА, А ТАКЖЕ ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ
ДИНАСТИИ, ГОНЕНИЯ НА ЦЕРКОВЬ И
ТРАГИЧЕСКУЮ СУДЬБУ РОССИИ...

Блаженная Прасковья Ивановна, в миру Ирина, родилась в 1795 году в селе Никольском Спасского уезда Тамбовской губернии. Ее родители, Иван и Дарья, были крепостные. Когда девице минуло семнадцать лет, господа выдали ее замуж за крестьянина Федора. Ирина стала примерной женой и хозяйкой, и семья мужа полюбила ее за кроткий нрав, за трудолюбие, за то, что она усердно молилась дома и в храме, избегала гостей и общества и не выходила на деревенские игры. Так они прожили с мужем пятнадцать лет, но Господь не благословил их детьми.

Преступная клевета

По прошествии этих пятнадцати лет помещики Булыгины продали их помещикам-немцам Шмидтам в село Суркот. Через пять лет после переселения муж Ирины заболел чахоткой и умер. После смерти мужа Шмидты взяли ее в кухарки и экономки. Несколько раз они пробовали вторично выдать ее замуж, но Ирина решительно отказалась: «Хоть убейте меня, а замуж больше не пойду!». Так ее и оставили.

Через полтора года стряслась беда – в господском доме обнаружилась пропажа двух холстов. Прислуга оклеветала Ирину, показав, что это она их украла. Приехал становой пристав с солдатами, помещики уговорили наказать Ирину. Солдаты по приказанию станового пристава ее жестоко истязали. Но Ирина и среди истязаний продолжала говорить, что не брала холстов. Тогда Шмидты призвали местную гадалку, которая сказала, что холсты украла женщина по имени Ирина, но только не эта, и лежат они в реке. Начали искать и действительно нашли их там, где указала гадалка.

Она желала теперь, чтобы в ее сердце жил только Бог...

После перенесенного истязания Ирина была не в силах жить у господ-нехристей и, уйдя от них, пошла в Киев на богомолье. Здесь, видимо, она и приняла постриг в схиму.

Киевские святыни, встреча со старцами совершенно изменили ее внутреннее состояние. Она теперь знала, для чего и как жить. Она желала теперь, чтобы в ее сердце жил только Бог – единственный любящий всех милосердный Христос, раздаятель всяческих благ.

Несправедливо наказанная, Ирина с особенной глубиной почувствовала неизреченную глубину страданий Христовых и Его милосердие.

Через полтора года полиция нашла ее в Киеве и отправила по этапу к господам. Путь был мучительным и долгим, ей пришлось испытать и голод, и холод, и жестокое обращение конвойных солдат, и грубость арестантов-мужчин.

Жизнь в саровском лесу

Более года прослужила Ирина господам, но затем вновь бежала. Через год полиция опять нашла ее в Киеве и препроводила по этапу. Господа выгнали Ирину на улицу, раздетую и без куска хлеба. Пять лет она бродила по селу, как помешанная, и была посмешищем для всех. Она выработала привычку жить круглый год под открытым небом, перенося голод, холод и зной. А затем ушла в саровские леса и прожила там больше двух десятков лет в пещере, которую сама вырыла.

Говорят, что у нее было несколько пещер в разных местах обширного непроходимого леса, где тогда было много хищных зверей. Ходила она временами в Саров и в Дивеево, но чаще ее видели на Саровской мельнице, куда она приходила работать.

Прежде Паша обладала удивительно приятной наружностью. За время жизни в саровском лесу, долгого подвижничества и постничества она стала похожа на Марию Египетскую: худая, почерневшая от солнца. Видя ее подвижническую жизнь, люди стали обращаться к ней за советами, просили помолиться. Враг рода человеческого научил злых людей напасть на нее и ограбить. Ее жестоко избили, и с тех пор головная боль и опухоль под ложечкой мучили ее постоянно.

Куклы

За шесть лет до смерти блаженной Пелагеи Ивановны Паша явилась в обитель с куклой. Теперь она по несколько недель, а затем и месяцев проживала в обители. А по кончине блаженной Пелагеи Ивановны Паша совсем перебралась в монастырь.

Все годы пребывания Паши Саровской в монастыре неотъемлемой частью её подвига служения ближним были куклы. Встречая у себя в келье сестёр, старица иногда бушевала и колотила своих кукол, и это означало, что обитель ожидают скорби. И тысячам богомольцев различных званий и сословий, стекавшимся к ней со своими бедами со всех концов православной Руси, блаженная Параскева предсказывала на куклах будущие события, порой обличала грехи и тайные пороки, наставляла, как поступить в затруднительных обстоятельствах.

Непрестанная МОЛИТВА

Напившись чая после обедни, блаженная садилась за работу, вязала чулки или пряла пряжу. Это занятие сопровождалось непрестанной Иисусовой молитвой, и потому ее пряжа особенно ценилась в обители, из нее делались пояски и четки.

Вязанием чулок она называла в иносказательном смысле упражнение в непрестанной Иисусовой молитве. Так, однажды приезжий подошел к ней с мыслью, не переселиться ли ему поближе к Дивееву. И она сказала в ответ на его мысли: «Ну, что же, приезжай к нам в Саров, будем вместе грузди собирать и чулки вязать», – то есть класть земные поклоны и учиться Иисусовой молитве.

Молилась она своими молитвами, но знала некоторые и наизусть. Богородицу она называла «Маменькой за стеклышком». Иногда она останавливалась, как вкопанная, перед образом и молилась или становилась на колени, где попало – в поле, в горнице, среди улицы, и усердно со слезами молилась.

Духовная борьба

В дни духовной борьбы с врагом рода человеческого она без умолку начинала говорить, но ничего нельзя было понять; ломала вещи, посуду, волновалась, кричала, бранилась. Однажды она встала с утра расстроенная и растревоженная. После полудня к ней подошла приезжая госпожа, поздоровалась и хотела беседовать, но Прасковья Ивановна закричала, замахала руками:

– Уйди! Уйди! Неужели не видишь, вон диавол. Топором голову отрубили, топором голову отрубили!

Посетительница перепугалась и отошла, ничего не понимая, но вскоре ударили в колокол, оповещая, что сейчас скончалась в больнице в припадке падучей монахиня.

Младенец-то превыше нас...

Однажды пришла к блаженной девица Ксения из села Рузина просить благословения идти в монастырь.

– Что ты говоришь, девка! – закричала блаженная. – Надо прежде в Петербург сходить, да всем господам сперва послужить, тогда даст мне Царь денег, я тебе келлию поставлю!

Через некоторое время братья Ксении стали делиться, и она снова пришла к Прасковье Ивановне и говорит:

– Братья делиться хотят, а вы не благословляете! Как хотите, а уж не послушаю я вас и поставлю келлию!

Блаженная Паша, растревоженная ее словами, вскочила и говорит:
– Экая ты, девка, глупая! Ну можно ли! Ведь ты не знаешь, сколько младенец-то превышает нас!

Сказав это, она легла и вытянулась. А осенью у Ксении умерла сноха, и осталась на ее руках девочка, круглая сирота.

Однажды зашла Прасковья Ивановна к священнику села Аламасова, у которого был в то время по делам службы псаломщик. Она подошла к нему и говорит:

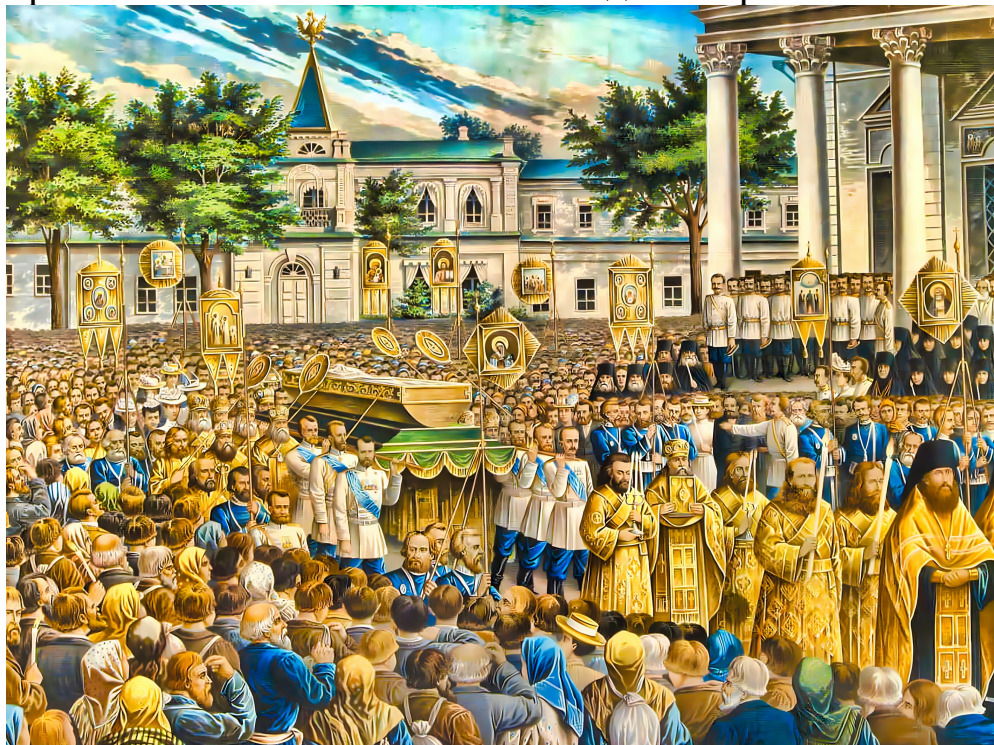
– Господин! Прошу тебя, возьми хорошую кормилицу или няньку какую.

И что же? Дотоле совершенно здоровая жена псаломщика захворала и умерла, оставив младенца.

Иногда Прасковья Ивановна начинала шуметь, а приходившим к ней монахиням говорила: «Вон отсюда, шельмы, здесь касса». (После закрытия монастыря в ее келлии размещалась сберегательная касса).

Открытие мощей преподобного Серафима

Несмотря на множество чудес, которые видели люди за семьдесят лет со дня преставления преподобного Серафима Саровского, с открытием мощей его и прославлением были трудности. Рассказывают, что государь настаивал на прославлении, но почти весь Синод был против.

В это время блаженная Прасковья Ивановна четырнадцать или пятнадцать дней постилась, ничего не ела, так что не могла даже ходить, а ползала на четвереньках.

Как-то вечером пришел архимандрит Серафим (Чичагов) и говорит:

– Мамашенька, отказывают нам открыть мощи.

Прасковья Ивановна сказала:

– Бери меня под руку, идем на волю.

С одной стороны подхватила ее мать Серафима, с другой – архимандрит Серафим.

– Бери железку. Комай направо – вот и мощи...

Обследование останков преподобного Серафима было произведено в ночь на 11 января 1903 года.

В это время в селе Ломасове в двенадцати верстах от Сарова увидели зарево над монастырем и, крестясь, побежали туда и спрашивают:

– Где это у вас был пожар? Мы видели зарево.

Но нигде не было пожара. И только потом один иеромонах тихонько сказал:

– Сегодня ночью приезжала комиссия и вскрывала останки батюшки Серафима.

Говорили сестры, будто преподобный сам явился государю, после чего тот своей властью настоял на открытии мощей.

Встреча с Государем

Когда было решено с прославлением и открытием мощей, великие князья приехали в Саров и в Дивеево к блаженной Парасковье Ивановне.

В это время в царской семье было четыре дочери, но мальчика-наследника не было. Ехали к преподобному молиться о даровании наследника. Парасковья Ивановна имела обычай все показывать на куклах, и тут она приготовила куклу-мальчика. Постелила ему платки мягко и высоко и уложила. «Тише-тише – он спит...»

Все, что она говорила, передавали по телефону государю, который сам приехал позже.

В дни прославления преподобного Серафима Дивеево посетили царь Николай II и царица Александра Федоровна. Побывали они у блаженной Параскевы Ивановны, которая предрекла Им скорое рождение долгожданного Наследника, а также гибель России и царской династии, разгром Церкви и море крови. После этого Государь не раз обращался к предсказаниям Параскевы Ивановны, посылая время от времени к ней великих князей за советом. Келейница рассказывала потом, что блаженная говорила Государю: «Государь, сойди с престола сам».

Когда Николай Александрович уходил, то сказал, что Парасковья Ивановна – истинная раба Божия.

Душа блаженной поднималась на небо...

Парасковья Ивановна умерла 5 октября 1915 года в возрасте около 120 лет. Перед смертью она все клала земные поклоны перед портретом государя. Сама она была уже не в силах, и ее поднимали, и опускали.

– Что ты, мамашенька, так на государя молишься?

– Глупцы. Он выше всех царей будет.

Незадолго до смерти блаженная сняла портрет государя и поцеловала в ножки со словами: «Миленький уже при конце».

Умирала блаженная тяжело и долго. Перед смертью ее парализовало. Она очень страдала. Некоторые удивлялись, что такая великая раба Божия, а так тяжело умирает. Кому-то из сестер было открыто, что этими предсмертными страданиями она выкупала из ада души своих духовных чад. Когда она умирала, то в Петербурге одна монахиня вышла на улицу и видела, как душа блаженной поднималась на небо.

